

Почему, как мне кажется, о возможности найти привлекательным члена нашей собственной семьи никогда не говорят? Я не могу вспомнить, чтобы я когда-нибудь обсуждал достоинства кого-либо из членов моей семьи с кем-то еще. И все же сестры, матери и бабушки - это женщины, не так ли, это женщины сами по себе, такие же сексуальные и причудливые, как и все остальные женщины, я полагаю. Я помню разговоры, когда я была младше, о том, кто из девочек или мальчиков в моем классе выглядел лучше всех, каких актеров и актрис или поп-звезд мы, возможно, боготворили, даже противоположный пол в нашей повседневной жизни оценивался по их особой привлекательности и атрибутам. Но наши родители и, возможно, братья и сестры всегда исключались из этой практики по какой-то особой причине, и все же нам никогда не говорили, что мы не должны смотреть на них таким образом.

Я не могу вспомнить случая, когда тема разговора касалась кого-то из членов нашей семьи и могла быть истолкована как сексуальная, как будто наш мозг отказывался даже подумать о том, что такие люди могут считаться красивыми или привлекательными. Мои друзья никогда не комментировали мою мать, а я никогда не комментировал их, как будто в нашем мозгу с рождения было запечатлено, что эти люди для нас недостижимы. Поэтому для меня было шоком, когда я, восемнадцатилетняя, однажды обнаружила, что думаю о члене своей семьи в таком недопустимом ключе.

С кем говорить о таких мыслях, ведь я не могла обсуждать это с друзьями, боясь насмешек или отвращения, вечного остракизма и взглядов как на кого-то необычного? Я определенно не мог обсуждать это со своей семьей, мы были хорошими католиками, и мысль о том, чтобы обсудить с ними мои внезапно вспыхнувшие желания, привела бы к тому, что я был бы обречен на вечное проклятие. Оставался только приходской священник, а с ним я точно не собирался обсуждать это, уверенный, что мои родители будут немедленно поставлены в известность.

В более поздней жизни я задавался вопросом, все ли мы в какой-то момент испытываем подобные чувства, не только мужчины, но и женщины, все ли мы проходим через стадию, когда внезапно испытываем тоску по представителю противоположного пола, но который также является членом нашей семьи. Желание делать с ними и с ними то, что выходит за рамки Библии и закона.

Ивонн была моей бабушкой по отцовской линии, она была высокой для женщины, широкоплечей и широкогрудой, и каждое лето, пока я рос, я проводил неделю в ее доме во время летних каникул. Позже, уже в зрелом возрасте, она напоминала мне тех зрелых женщин, которые появлялись на экранах телевизоров: уже не молодые, но все еще сексуальные и манящие, обещающие невообразимые удовольствия. С другой стороны, мой дед не был моим дедом, Ивонн снова вышла замуж до моего рождения, и хотя он всегда относился ко мне как к своему внуку, в нем было что-то такое, что не давало мне покоя.

Как ее первый внук, я был избалован, Ивонн щедро одаривала меня своей любовью и лаской каждый раз, когда мы приезжали в гости, и особенно каждое лето, когда я уезжал к ней. Мы жили в Брайтоне, в то время как она жила всего в нескольких минутах езды на машине в Уортинге, оба города на южном побережье. Ее дом был большим бунгало с выходящим на юг задним садом, которым мы часто пользовались долгим летом. Я отчетливо помню лужайки и клумбы, кремневые стены, разделяющие разные уровни сада, и сливовое дерево с одной стороны. Я наблюдала за тем, как она возится с горшками, подрезает цветы и пропалывает клумбы, иногда помогала ей, хотя никогда не была уверена, что выдерживаю нужные растения.

Эти визиты продолжались на протяжении всего моего раннего подросткового возраста. Даже после того, как мне исполнилось восемнадцать, я все еще с нетерпением ждал этой недели, когда можно будет сбежать от родителей, которые не будут указывать мне, что делать, не будет требований друзей и особенно моей девушки. Это была неделя, обычно сопровождаемая ярким солнечным светом, когда я мог наслаждаться тишиной и медленным темпом жизни, помогая бабушке в саду, нежась на солнце или гуляя по городу.

Именно во время моего последнего визита я была одновременно удивлена и очарована, когда случайно подслушала разговор. Была середина лета, и я снова была у нее на недельных каникулах, мама привезла меня на машине. В моей спальне, выходящей окнами в сад, окно было открыто, пытаясь уловить хоть намек на легкий ветерок, пока я распаковывала чемодан, раскладывая одежду по ящикам и шкафу.

В тихом воздухе был слышен звук их голосов: мама и бабушка сидели на улице и обсуждали что-то, что привлекло мое внимание.

'Ты знаешь, что он такой склонный?' Это был голос моей бабушки, говорившей тихим доверительным тоном.

Мы так и не смогли заключить наш брак. Мы много раз пытались, но стало очевидно, что он не находит меня сексуально привлекательной или удовлетворяющей в этом плане". Она продолжала с горечью.

Я стояла на коленях под окном, пытаясь услышать, что говорят, но в то же время не желая, чтобы меня увидели или узнали, что я была посвящена в их разговор снаружи.

Я не знала, когда мы поженились, но теперь я застряла в этом, я не могу развестись с ним, это противоречит церкви и всему, чему меня учили. Я счастлива, но в то же время я расстроена. В конце концов, я женщина, у меня есть потребности, но изменять ему с другим мужчиной было бы грехом против Бога".

Не знаю, обернулась ли моя мать, увидев открытое окно моей спальни, но какова бы ни была причина, они отошли в другой конец сада и удалились, оставив меня пытаться понять суть того, что они обсуждали. Мой дедушка, похоже, был геем. До этого момента я бы об этом не знал, хотя, вспоминая его манеры, я пришел к выводу, что некоторые из них могут быть женоподобными. Мне было жаль Ивонн, как свою бабушку, я любил ее безоговорочно, но новость о том, что она переживает, возможно, стала той искрой, которая зажгла голубую бумагу.

Несмотря на восемнадцать лет и наличие девушки, я был еще неопытен, как и она, и вместе мы открыли для себя прелести незаконного секса, когда представилась возможность, будучи уверенными, что оба родителя не одобрили бы этого. В этом возрасте нужно совсем немного, чтобы разжечь похоть, и предположение о том, что моя бабушка уезжает без меня, вызвало в моей голове множество идей и образов, и я стал фантазировать о том, что мы могли бы делать вместе.

Когда мама ушла, а бабушка вернулась к своим делам, я решил, что нужно немного позагорать, расстелил большое красное полотенце с надписью "Coca-Cola" и, надев одни шорты, растянулся на нем, пока солнце грело мое тело. Возможно, именно разговор, который я услышал, особенно слово "разочарован", впервые посеял семя в моем мозгу. Повернув голову, я посмотрел в ее сторону, тайком наблюдая, как она стоит на коленях на своем садовом коврике, ее попа покачивается, когда она наклоняется и выкапывает ямки для новых растений.

У нее были полные ягодицы, которые выглядели аппетитно в ее брюках, материал плотно обтягивал обе щеки, делая трусики под ними довольно заметными и пробуждая во мне внезапный прилив крови. Я чувствовал себя встревоженным и, возможно, немного грязным, глядя на ее попу, и мысли о том, что я мог бы с ней сделать, проникали в мои мысли. В течение этой недели в некоторые дни она надевала слаксы, но в большинстве случаев она надевала одно из своих платьев. Я решил, что мне больше нравится, когда она в платье, оно слегка застегивалось сзади, когда она наклонялась вперед, давая мне возможность увидеть заднюю часть ее бедер, но никогда не поднималось достаточно высоко, чтобы я мог увидеть ее трусики. Летом она чаще всего ходила без колготок, жалуясь, что они слишком горячие на солнце, и открывая мне вид на свои широкие бедра и множество обнаженной плоти.

Я уверен, что она никогда не надевала определенный тип платья специально, просто ее грудь была настолько большой, что каждое платье демонстрировало обширное декольте, и я был очень рад помогать ей пропалывать клумбы в те дни, особенно те, когда я мог стоять на коленях с противоположной стороны и смотреть вниз на ее одежду, восхищаясь ее великолепными молочными железами.

Каждую ночь мне снились яркие сны: я совокуплялся с ней, мы оба были обнажены, совокупляясь на широкой полосе газона под полуденным солнцем или, может быть, вечером посреди пола в гостиной. Проснувшись на следующее утро, я чувствовал, как ее плоть плотно прижимается к моей, и воспоминания вновь разжигали мои желания. Но, к сожалению, это были только мечты, я никогда не мог подойти к ней и заговорить о том, что сейчас вторглось в мои мысли, это, несомненно, разрушило бы особую связь, которая существовала между нами.

Я не знаю, понимала ли она, что я делаю, если и понимала, то никогда не комментировала, а я возвращался из отпуска с образами и видениями в голове, как я пожираю ее огромные сиськи.

К сожалению, чем больше я узнавал о сексе, тем сильнее становилась моя похоть к бабушке, и каждое лето я продолжал совершать паломничество к ней домой. Родителям больше не нужно было возить меня туда на машине, я мог легко снять себя в поезде, предвкушение близости с ней разжигало мои фантазии. Она всегда встречала меня одинаково, обнимая и целуя в щеку, когда я только приехал. В детстве мне казалось нормальным, что меня встречают таким образом, теперь же, став молодым человеком, я чувствовал, как ее грудь прижимается к моей груди, и боялся, что если она будет держать меня слишком долго, то сможет заметить мою неизбежную эрекцию, давящую на ее пах.